

ЛУКОМОРЬЕ

2-е издание
№ 18
1913

Осмотръ трофеевъ послѣ сраженія.

К. Трофименко.

ЛУКОМОРЬЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И САТИРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА.

ЦѢНА НА ГОДЪ съ доставкой и перес.—9 руб., на полгода—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. 50 к. Девяги просить адресовать: Петроградъ, Невскій пр., д. 40, Конторѣ журнала «ЛУКОМОРЬЕ». Подписка принимается кромѣ того въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»—въ Москвѣ, Одессѣ, Саратовѣ, Ростовѣ-на-Дону и Харьковѣ.

ВЫХОДИТЬ ПО СУББОТАМЪ.

Редакторъ-Издатель М. А. Суворинъ.

НИКОЛАЙ АНТОНОВИЧЪ ПАШКОВСКІЙ

Телефонъ
257-75.

ТОРГОВЫЙ СКЛАДЪ ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ

Телефонъ
257-75.

ПЕТРОГРАДЪ, Гагаринская ул., д. № 26.

Особенно рекомендуются
покупателямъ

ЛУЧШІЯ НА МИРОВОМЪ РЫНКѢ

АМЕРИКАНСКІЯ
пишущія машины

Л. С. СМИТЬ И БРАТЯ.

Соединяя въ своей конструкціи всѣ преимущества первоклассныхъ системъ (весь, до последней буквы, видимый текстъ написаннаго, открытый шрифтъ, очень простыя приспособленія для писанія двухцвѣтной лентой и безъ ленты, обратный ходъ каретки, легко снимающийся валикъ и проч.)—машина Л. С. СМИТЬ и БРАТЯ въ то-же время отличается отъ другихъ машинъ полной устойчивостью каретки, чистотою отпечатка знаковъ, удивительной легкостью въ работѣ, отсутствіемъ обычнаго шума при движеніи каретки, замѣчательной практичностью въ устройствѣ табулятора, исключительной прочностью рабочихъ частей и другими не менѣе важными преимуществами. Всѣ перечисленныя и многія другія качества этой машины становятся несомнѣнными при детальномъ ознакомленіи съ нею, такъ какъ вполне видимы и осязаемы. При этомъ, наприм., легкость удара не только ощущается пишущимъ, но и дѣлается понятною, такъ какъ всѣ движущіяся и трущаяся части машины (буквенные рычаги, каретка и переводъ регистра) работаютъ на шарикахъ, какъ колеса велосипеда, способныя вращаться болѣе получаса отъ легкаго толчка рукою.

Шариковый подшипникъ буквеннаго рычага.

СКЛАДЪ Н. А. ПАШКОВСКАГО

береть на себя чистку и починку пишущихъ машинъ всѣхъ системъ, имѣетъ всѣ принадлежности для пишущихъ машинъ, особое вниманіе удѣляетъ на идеальное обученіе машинному письму, подъ своей отвѣтственностью исполняетъ переписку бумагомъ, переводы и проч.

Для принятія заказовъ и личныхъ объясненій имѣются особыя агенты, которыхъ всегда можно вызвать по телефону 257-75.

ДЕВИЗЪ СКЛАДА: всѣ заказы исполнять быстро, дешево и великодушно: складъ для клиентовъ, а не клиенты для склада...

ЧИСТОТА, ТИШИНА,
СПОКОЙСТВІЕ И ВСѢ УДОБСТВА

ВО Вновь ОТДѢЛАННОМЪ

MAISON MEUBLÉE

„MON RÉPOS“

Ул. Жуковскаго, д. 7,
близъ Литейнаго и Невского пр.

ЦЕНТРЪ ГОРОДА.

108 удобныхъ комнатъ. Электрическое освѣщеніе, подъемная машина, ванны.

Телефоны: №№ 32-36, 584-81 и 620-00.

Помѣщательно отъ 30 р. до 185 р. и посуточно отъ 1 р. 50 к. до 8 р.

Извозчикамъ не вѣрить, что свободныхъ номеровъ нѣтъ.

Функционируетъ круглый годъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
и Книгоиздательство

БЫВШ. М. В. ПОПОВА

(Фирма существовала съ 1847 года).

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 66.

Телеф. 85-27.

НОВЫЯ КНИГИ:

- Владиміръ Бернштамъ—ИЗЪ ПЕРЕЖИТАГО.** Воспоминанія. Цѣна 1 руб. 25 коп.
  - Юрій Слезкинъ—ОЛЬГА ОРГЪ.** Романъ. Цѣна 1 руб. 25 коп.
  - Вадимъ Бѣловъ—ЛИЦО ВОЙНЫ.** Записки офицера. Цѣна 1 руб. 25 коп.
  - Бор. Лазаревскій—ТРИ ТОПОЛЯ.** Рассказы. Цѣна 1 руб. 25 коп.
  - Я. Окуневъ—НА ПЕРЕДОВЫХЪ ПОЗИЦІЯХЪ.** Боевыя впечатлѣнія. Цѣна 1 руб. 25 коп.
  - А. Морской—ВОЕННАЯ МОЦЬ РОССІИ.** „Записка“ ген.-ад. А. Н. Куропаткина и критика ей графомъ С. Ю. Витте. (II изд.) 1 руб. 50 коп.—Первое изданіе книги разошлось въ одинъ мѣсяцъ.
  - Г. Фробениусъ,** оберъ-лейт. герман. арміи—«**РОКОВОЙ ЧАСЪ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРІИ**» Перев. М. Панина. Обл. худ. Н. Рема. Цѣна 75 коп.
  - Э. Дюркгеймъ и Э. Дени—КТО ХОТѢЛЪ ВОЙНЫ.** Очеркъ дипломатичекихъ переговоровъ предшествовавшихъ войнъ. Цѣна 60 коп.
  - И. П. Карабчевскій—Мирные планы. ВЪ КУРОРТНОМЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.** Цѣна 1 руб.
- Книги высылаются наложеннымъ платежемъ. Каталоги съ отзывами высылаются бесплатно.

НАИЛУЧШІЯ ВОЛОСЯНЫЯ ИЗДѢЛІЯ (ИЗЪ ФРИЗЮРЪ НАТЮРЕЛЬ)

ДАМСКІЯ ПРИЧЕСКИ И МАНИКЮРЪ
ТОЛЬКО ВЪ МАГАЗИНѢ

„ПОЛЬ“

Прейсъ-курантъ за 4 десятикоп. марки.
Петроградъ, Пантелеймоновская ул., № 10.
Телеф. 47-19 и 65-47.

ВЛАД. П. Д. ГОРБАТОВЪ.

ЛУКОМОРОЕ

№ 18.

2 мая 1915 г.

945631

ЦУНБ им. Н.А. Некрасова
Отдел хранения фондов

М а н е в р ь.

«Корпусу вашему, такимъ образомъ, надлежитъ служить связью между вышеупомянутыми арміями и быть въ то же время резервомъ ихъ фланговъ, если непріятель предприметъ обходное движеніе. Въ случаѣ же накопленія противъ васъ большихъ непріятельскихъ силъ имѣете вы отойти на линію первоначальнаго вашего расположенія, какъ только можно будетъ это сдѣлать, не подвергая опасности обхода фланга названныхъ армій».

Бухали далеко выстрѣлы, монотонно стучалъ дождь въ окно и быстро надвигались осенніе сумерки. Ровный и немного глуховатый голосъ адъютанта отчетливо читалъ диспозицію, смыслъ которой онъ уловилъ уже съ первыхъ словъ, но продолжалъ слушать по сорокалѣтней привычкѣ, твердо и неуклонно, слѣдовать предписаніямъ начальства.

Когда адъютантъ замолчалъ, генераль поднялся съ кресла и, заложивъ руки въ карманы, подошелъ къ окну.

Пятый день лилъ, не переставая, дождь, пятый день плакало сѣрое небо.

Мокрая черныя деревья парка стояли неподвижно и черныя оголенные вѣтки ихъ казались сложнымъ узоромъ на сѣромъ полотнѣ неба.

Изъ окно видѣлась огромная

плоская равнина, спокойная и казавшаяся теперь пустынной, а шесть дней тому назадъ вся она дымилась и глухо стонала подъ тяжестью ста тысячъ людей. Шесть дней тому назадъ его корпусъ занялъ ее стремительнымъ наступленіемъ, отбросивъ непріятеля за рѣку.

Запищалъ телефонъ, адъютантъ подошелъ.

— Генераль К. спрашиваетъ дальнѣйшихъ распоряженій вашего высокопревосходительства, — сказалъ онъ, спустя минуту.

— Пусть смѣнится со своей бригадой и отойдетъ въ резервъ, генералу П.—прикажете заступить его мѣсто, — отвѣтилъ корпусный.

Адъютантъ вышелъ, стараясь не слишкомъ стучать шпорами, и черезъ минуту въ сосѣдней комнатѣ закричалъ телефонистъ.

Уже вечерѣло и сѣрое небо сдѣлалось почти чернымъ, дождь лилъ, не переставая, и вѣтеръ пѣлъ въ трубѣ.

Генераль прошелся по комнатѣ, напѣвая про себя какой-то маршъ, потомъ снова сѣлъ въ кресло и наклонился надъ картой. Отыскавъ на ней упомянутые въ диспозиціи пункты, онъ откинулся на спинку кресла и задумался, припоминая всѣ отдаленныя распоряженія.

Пятнадцатидневный бой прервался

самъ собою, природа побѣдила людей, приковавъ ихъ распутицей къ двумъ узенькимъ бороздамъ, развороченной окопами земли. Всѣ мѣры предосторожности были приняты, врагъ не могъ ступить тайно ни одного шагу и нечего было ждать, не о чемъ было беспокоиться, и это вынужденное бездѣйствіе какъ-то выбило его изъ коленъ.

Три мѣсяца привыкъ онъ къ ожиданію чего-то неизвѣстнаго, къ волненію, три мѣсяца не было у него минуты спокойнаго времени, чтобы подумать о чемъ-нибудь неотносящемся къ войнѣ, и это вѣчное ожиданіе и волненіе, ночныя внезапныя поѣздки на позиціи, при взлетѣ ракетъ, лучахъ прожекторовъ и воѣ снарядовъ, пріобрѣли для него какой-то новый необычайный смыслъ, наполнившій теперь его жизнь.

Въ первый разъ за три мѣсяца выдался у него свободный вечеръ и онъ какъ-то растерялся, не зная, чѣмъ заполнить время. А раньше мечталъ онъ о такомъ вечерѣ и ждалъ съ трепетомъ, думая—вотъ дождусь, напишу женѣ и дочерямъ обстоятельныя письма, лягу пораньше спать, а передъ сномъ прочитаю начатую еще въ Петроградѣ и такъ и оставшуюся неразрѣзанной на двѣнадцатой страницѣ книжку моднаго автора.

Сарыкамыш. Наши окопы на склоне выше Орлиного гнѣзда.

Изъ воен. альбома Е. Е. Лансере.

Но не хотѣлось ни писать, ни читать, ни даже спать, и такъ онъ сидѣлъ въ креслѣ, уронивъ голову на руки и въ который разъ читалъ на картѣ: посадъ Л., господскій дворъ В.

Въ сосѣдней комнатѣ переговаривались вполголоса телефонисты и временами доносился густой баритонъ начальника штаба, звавшій дежурнаго писаря.

Вошелъ адъютантъ, посмотрѣлъ на него и, думая, что онъ спитъ, на цыпочкахъ подошелъ къ одному изъ столовъ, пошуршалъ бумагами и, взявъ, что ему было надо, вышелъ въ корридоръ, сказавъ въ комнату телефонистовъ:

— Вы, ребята, не больно-то галдите, корпусный заснулъ,—а спустя нѣсколько минутъ услышалъ онъ баритонъ начальника штаба:

— Такъ вы, капитанъ, чуть что, сейчасъ же пошлите за мной,—и голосъ адъютанта отвѣтилъ:

— Слушаю, ваше превосходительство.

Совсѣмъ тихо стало въ домѣ, только дождь стучалъ въ окна, да пѣлъ вѣтеръ въ трубы.

Рѣдко, рѣдко глухо доносился одинокій выстрѣлъ и опять барабанилъ дождь и пѣла труба.

Вспомнилъ генераль мирный В., гдѣ жилъ до войны, и старушку жену, и дочь Вѣру, и мужа ея, плотнаго камеръ-юнкера, и гусара-сына Сережу. У Вѣрочки родилась дочь Надечка, бабушка очень рада, ей давно хотѣлось внучку, у Вѣрочки первые двое были мальчишки, Витя, мужъ Вѣрочки, тоже очень доволенъ, что дѣвочка. И ему вдругъ захотѣлось посмотрѣть на внучку, на дочь и на жену. Какъ-то онѣ тамъ безъ него, впрочемъ онъ почти все знаетъ—пишутъ ему часто и акку-

ратно. Вотъ, Сережа,—другое дѣло: онъ на войнѣ и на письма не слишкомъ-то щедръ, а отрядъ передовой, каждый день или въ дѣлѣ, или подъ огнемъ, ну, какъ убьютъ,—и вздохнулъ, стараясь отогнать отъ себя эту мысль.

Съ усиленіемъ открылъ онъ глаза и взглядъ его снова упалъ на посадъ Л., господскій дворъ В.

— Однако, тутъ высокое мѣсто,—подумалъ онъ, всматриваясь въ перепутанныя линіи горизонталей, и вспомнилъ, какъ третьяго дня нѣмцы лѣзли на господскій дворъ, и какъ наша батарея въ два часа усыяла всю низину передъ дворомъ трупами. Жаркое было дѣло, отличился еще капитанъ Ж., вчера, кажется, писалъ онъ о немъ, просилъ утвердить представленіе къ Георгію и вспомнилъ о сынѣ: живъ ли, здоровъ ли и чего не пишетъ?

Опять ушла голова на руки, а тѣло вдругъ разомъ опустилось.

— Поспать что ли, не заснешь, вѣдь, вотъ лечь развѣ да почитать, что нынче пишутъ, книжку-то больно хвалили,—и, крикнувъ денщика, приказалъ готовить постель.

II.

Яркое не по осеннему и огромное восходило на востокъ солнце по просвѣтленному небу, когда, проспавшись на утро, подошелъ корпусный къ окну. Золотыя съ чернью стояли неподвижныя деревья въ паркѣ, блестя лужи и, прорвавшись сквозь отпотѣвшее окно, зажгли лучи коверъ на стѣнѣ и портреты въ овальныхъ рамкахъ, даже на штывѣ шагаваго у входа солдата лукаво поблескивалъ тоненькій лучъ.

Вѣстовой принесъ чай и тотчасъ же

пришелъ адъютантъ съ докладомъ, а за нимъ начальникъ штаба.

— Ночь прошла спокойно, по съ утра нѣмцы начали обстрѣливать расположеніе X—го полка,—сказалъ начальникъ штаба и, помолчавъ, прибавилъ:—только что говорилъ съ генераломъ П., ожидаетъ сегодня атаки и сообщаетъ, будто на лѣвомъ флангѣ идетъ бой.

Въ корридорѣ послышался шумъ и разговоръ, и вслѣдъ за нимъ въ комнату вошелъ офицеръ.

— Ординарецъ отъ командующаго арміей,—доложилъ офицеръ, встрѣтивъ строгій и вопросительный взглядъ адъютанта.

Вскрывъ пакетъ, знакомымъ и отчетливымъ голосомъ прочелъ адъютантъ предписаніе и посмотрѣлъ на корпуснаго.

— Такъ, такъ,—кивалъ головой корпусный, и, не обращая ни къ кому, сказалъ:—такъ ужъ, вы, голубчикъ, распорядитесь, чтобы все было въ порядкѣ, и согласно полученному распоряженію, частныя же указанія я передамъ либо на мѣстѣ лично, либо телефонограммами. Да прикажите приготовить автомобиль. Мы поѣдемъ.

Какъ рукой сняло сонъ и усталость, едва услышалъ корпусный о боѣ и, когда начальникъ штаба вышелъ, онъ, вставъ съ кресла, заходилъ по комнатѣ, бросая адъютанту короткія и ясныя приказанія.

Когда вѣстовой доложилъ, что автомобиль поданъ, старикъ постоялъ съ минуту, подумалъ и, выйдя въ комнату телефонистовъ, взялъ трубку.

— Штабъ №№ кавалерійской дивизіи. Что? Выступила на поддержаніе обороны фланга корпуса,—помолчалъ, положилъ трубку и вышелъ на крыльцо.

Быстро миновал автомобиль парк и, спустившись съ горы, покатился по шоссе межъ голыми дымящимися туманными полями, и съ каждой минутой ближе и ближе ухала артиллерія и явственнѣе доносилась деревянная дробь пулеметовъ.

Подѣхавъ къ фольварку, падъ которымъ развивался значокъ начальника дивизіи, автомобиль остановился и корпусный выйдя, торопливо направился къ дому. На полдорогѣ встрѣтилъ его высокій еще молодой генераль.

— Ну, что, ваше превосходительство,—спросилъ его корпусный.

— Слава Богу, ваше высокопревосходительство, только что получилъ извѣстіе отъ О—цевъ, заняли первую линію германскихъ окоповъ у зеленой мызы. На В. только нѣмцы здорово лѣзутъ, да тамъ Л. со своимъ полкомъ, этотъ не отдастъ.

— А Н—цы гдѣ?—спросилъ корпусный.

— Въ резервѣ.

— Ну, ну, хорошо, дайте на кроки взглянуть.

Долго глядѣлъ корпусный, наклонившись надъ кроками, что-то высчитывалъ, чертилъ, думалъ, наконецъ, поднялъ голову и сказалъ:

— Ну, ну, хорошо, нынче я буду у васъ хозяиномъ.

Дивизионный откозырялъ и весело заговорилъ.

— Потѣха была вчера, ваше высокопревосходительство. Взяли въ плѣтъ стараго лалдштурмиста, ну, я приказалъ привести его къ себѣ. Спрашиваю, что полагается. Отвѣчаетъ неохотно. Сердитый такой. Я предложилъ ему кофе и сигару. Подобрѣлъ нѣмецъ развеселился и началъ:

«— Удивляюсь я вамъ, и чего вы въ войну полѣзли?»

«Мы рты разинули.

«Да какъ же, говорить, австрійцы подъ Кіевомъ, а мы вотъ, выбьемъ васъ и пойдемъ на Витебскъ.

«— Какой, говорю, Витебскъ.

«— Какой, какой, одинъ вѣдь, вы Б. защищаете.

«— Нѣтъ, говорю, не Б., а В.

«— Да В. давно ужъ нашъ.

«А во Львовѣ, говорю, начальникомъ обороны генераль А., ну, и рассказалъ, ему въ чемъ дѣло. Что же вы думаете, заплакалъ мой нѣмецъ, насилу мы его кофеемъ съ коньякомъ отпоили.

«— Отправьте, говорить, меня въ Россію и Минну позвольте выписать, довольно я навоевался и наголодался.

«Минна, видите ли, у него въ Эйзенахѣ осталась.

Затрепалъ полевой телефонъ.

— Генераль П. проситъ подкрѣпленье, что прикажете дѣлать?—обратился дивизионный къ корпусному.

— Отправьте ему два батальона,—сказалъ генераль, и опять склонился надъ кроками.

— Ну, что же, съ Минной какъ,—допытывался начальникъ штаба у дивизионнаго, чтобы хоть чѣмъ-нибудь скрасить наступившее тяжелое молчаніе.

Дивизионный только рукой отмахнулся и уставился Цейсомъ въ пространство.

Солнце высоко поднялось и теплые

Нарвѣ.

Изъ воен. альбома Е. Е. Лансере.

Константинополь. Передъ входомъ въ Св. Софію.

Г. Косяковъ.

лучи его растопили туманъ, ясная была еще даль, но уже подымался мѣстами къ небу черный и плотный дымъ. Гремѣла артиллерія и непрерывная долбили пулеметы.

Слушая ихъ, думалъ корпусный, — много, вѣрно, противъ насъ нѣмцевъ, трудно будетъ удержаться, а надо бы хоть до подхода частей лѣвофланговой арміи.

И чѣмъ дольше слушалъ онъ, чѣмъ внимательнѣе осматривалъ въ Цейсъ равнину и чѣмъ выше ползъ по небу плотный черный дымъ и громче ревѣли остервенѣлыя пушки, тѣмъ яснѣе становилось ему, что удержаться почти невозможно.

Кавалерійская дивизія поддержитъ вашу оборону, — вспомнилъ онъ предписаніе командующаго арміей.

НН.—дивизія — Сережина дивизія, Сережа пойдетъ въ бой, его Сережа, можетъ быть уже и пошелъ.

Еще въ усадьбѣ, слушая, какъ чи-

талъ адъютантъ предписаніе, привезенное ординарцемъ въ послѣднюю минуту, понялъ онъ всю тяжесть и отвѣтственность задачи, выпавшей на долю его корпусу.

Только какой-нибудь необычайный по смѣлости и неожиданности маневръ, только чудо можетъ спасти положеніе, и привести къ побѣдѣ, — досказала вдругъ острая и мгновенная мысль, — и задумался. Всякій воинъ долженъ понимать свой маневръ, — вспомнилъ онъ завѣтъ великаго Государя. Да, надо познать свой маневръ, надо его разгадать, подготовить и потомъ выолнить стремительно и неожиданно, чтобы поразить врага. Онъ долженъ сдѣлать это, онъ сдѣлаетъ это, онъ знаетъ, какой это долженъ быть маневръ, надо только выждать удобное время, чтобы ловчѣе ударить и дѣйствовать навѣрняка.

Выше и выше подымался дымъ, громче и яростнѣе ревѣли пушки.

— Надо подѣхать поближе, вонъ къ тому холму, оттуда видишь, — подумалъ корпусный и пошелъ къ автомобилю.

Словно угадавъ его мысль, дивизионный что-то сказалъ и стремглавъ понеслись къ холму трое всадниковъ, а за ними потянулась тонкая проволока полевого телефона.

Съ холма открывался видъ на наше и непріятельское расположеніе.

Въ цейсѣ было видно, какъ время отъ времени изъ-за кустарника или кочекъ показывались группы и въ одиночку сѣрые люди, — это отходила наша цѣпь.

— Гонять нашихъ нѣмцы, гнутъ, — думалъ корпусный: — не удержаться, сила солому ломить. И какъ бы въ подтвержденіе его мысли лицалъ полевой телефонъ и каждый разъ доносилось въ трубку настойчивыя требованія: «Пришлите подкрѣпленія, вѣтъ силъ держаться, нѣмцы прутъ густыми колоннами».

Влѣво стрѣляла батарея, передъ нею верстахъ въ полтора долбили пулеметы и совѣмъ далеко, словно хлопки, доносилась хлопотливая и безтолковая ружейная перестрѣлка.

Черный дымъ въ одномъ мѣстѣ покраснѣлъ—это горѣла деревня, подожженная нѣмцами.

Въ сторонѣ господскаго двора В. тяжело ухала артиллерія.

Вотъ уже четверть часа смотреть корпусный, не отрываясь, въ трубу.

— Просятъ подкрѣпленій,—докладываетъ адъютантъ.

— Кто?—очнулся корпусный.

— Полковникъ Л.

— А что осталось у насъ въ резервѣ?

— Н—скій пѣхотный полкъ.

— Только одни Н—цы?

— Только.

— Скажите, чтобы держался,—и снова уставился въ трубу, въ черпый густой дымъ.

Грохотъ боя все ближе и ближе, зарево расплзается въ ширину, красные языки взлетаютъ по черному дыму къ небу, потянуло гарью и порохомъ.

— Кавалерія идетъ,—сказалъ начальникъ штаба и указалъ рукою направо.

Всѣ повернули головы направо. Огромная лавина, перекачиваясь, какъ тѣло змѣи, по неровностямъ, неслась къ холму.

— Гусары,—говоритъ снова начальникъ штаба, и спрашиваетъ:—прикажете остановить?

— Да, да,—отозвался корпусный—остановите.

Онъ вспоминаетъ, что въ гусарахъ служить его сынъ.

Одинъ изъ ординарцевъ сѣзжаетъ съ холма и скачетъ навстрѣчу полку.

Спустя нѣсколько минутъ, тысяча лошадей, храпя и фыркая, останавливается въ ста шагахъ отъ холма.

Корпусный верхомъ подъѣхалъ къ полку, поздоровался, потомъ тронулъ поводомъ и медленно поѣхалъ вдоль фронта.

Подъѣхавъ къ пятому эскадрону, онъ остановилъ лошадь и обратился къ командиру полка, ѣхавшему на полкорпуса позади.

— А гдѣ же поручикъ Л.?

— Прикомандированъ къ сводному отряду, прикрывающему сообщеніе фланговъ, ваше высокопревосходительство.

Корпусный ничего не отвѣтилъ и махнулъ рукой.

Полкъ двинулся я, когда послѣдній рядъ миновалъ его, старикъ повернулъ лошадь и медленно поѣхалъ къ штабу.

Было уже около полудня, когда пришло извѣстіе, что мыза взята непріятелемъ и что сводный кавалерійскій отрядъ отрѣзанъ и пробивается къ господскому двору В.

«Сережишь отрядъ отрѣзанъ,—пропелось у старика въ головѣ, но тотчасъ же онъ молвилъ про себя:—авось уберезетъ мнѣ Господь сына, не время еще, подожду». И, посмотрѣвъ на равнину, повторилъ: «Надо подождать еще пемного, еще не время».

— Ваше высокопревосходительство ваше высокопревосходительство,—услышалъ онъ голосъ начальника штаба:—полковникъ Л....

— Передайте полковнику Л., что я приказываю ему держаться впредь до дальнѣйшихъ распоряженій.

— Ваше высокопревосходительство, но полковникъ доноситъ, что его расположеніе прорвано и непріятель обходитъ его флангъ, грозя отрѣзать отъ корпуса. Необходимо послать Н—цевъ.

— Никакихъ но,—огрызнулся корпусный.

Что? Послать Н—цевъ—любимый его полкъ, его Н—цевъ, среди которыхъ протекли двадцать лѣтъ его службы отъ младшаго офицера до командира полка, гдѣ всѣхъ офицеровъ звалъ онъ по именамъ. Послать его Н—цевъ послѣдній резервъ корпуса, нѣтъ, ни за что!

— Передайте полковнику Л., что я требую, чтобы онъ держался.

Снова затрещалъ телефонъ, нѣсколько человѣкъ бросилось къ нему, вырывая трубку у телефониста.

— Никакъ невозможно, ваше высокопревосходительство, всякое промедленіе грозитъ тяжелыми послѣдствіями,—торопясь и волнуясь, говорилъ начальникъ дивизіи. —Разрѣшите мнѣ повести полкъ.

Но онъ стоитъ, словно не слышитъ, смотритъ на равнину, не отрывая глазъ отъ бинокля, и ждетъ, когда наступитъ время—выиграть послѣднюю ставку или умереть.

— Ваше высокопревосходительство,—доносится до него настойчивый голосъ начальника дивизіи:—разрѣшите повести полкъ.

— Самъ поведу,—тихо отвѣчаетъ онъ и съ непривычной для себя легкостью, сѣвъ на коня, спускается съ холма.

«Теперь пора!» думаетъ.

Внизу въ боевомъ порядкѣ стоитъ полкъ.

— Здорово, братцы,—говоритъ онъ, смотреть въ лица солдатъ и офицеровъ и чувствуетъ, что молодѣетъ.

— Здравія жела ваше дит-ство,—радостно кричатъ солдаты и, когда снова становится тихо, онъ машетъ шашкой и кричитъ:

— Полкъ справа по-ротному шагомъ маршъ.

Батальонные командиры подхватываютъ команду, полкъ ожилъ, заволновался, сверкнулъ на солнцѣ штыками и четыре тысячи ногъ тяжело обрушились на землю, отбивая шагъ.

Отъѣхавъ въ сторону, пропускаетъ онъ роту за ротой. Идутъ, какъ на церемоніалѣ, спокойно, словно по пштычкамъ ровняются ряды, весело поблескиваютъ штыки, мѣрно колыхнется вся масса въ тактъ движенію.

Вотъ командиръ второго баталіона подполковникъ Д., плотный сорокалѣтній мужчина, балагуръ и весельчакъ. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ онъ самъ женилъ его безусаго еще поручика на своей племянницѣ. Вотъ командиръ 11 роты капитанъ Н., его сынъ, его крестникъ, вотъ подполковникъ Ш—«нѣмецъ», какъ всѣ зовутъ его въ полку, на что добродушный бѣлокурый Ш. даже пересталъ обижаться.

— Да, вотъ нѣмецъ, нѣмецъ,—думаетъ онъ про Ш.—а кто взялъ прусское знамя у деревни З, всего мѣсяцъ назадъ, за что и получилъ Георгія? И любовно провожаетъ длинную и сухую фигуру Ш., на долговязой кобылѣ Бергѣ, переименованной почему то въ Анну.

— Неужели же ихъ убьютъ и Д., и Н., и Ш., и Берту-Анну?—доканчиваетъ мысль.

Но вотъ прошла 16-ая рота, самая низкорослая, идутъ, что капусту сѣкутъ, вспомнилъ онъ солдатскую поговорку и улыбнулся.

Все ближе грохотъ боя, уже показываются послышки съ ранеными, еще верста и полкъ вольтетъ въ линію огня.

Тамъ адъ. Широкимъ огненнымъ столбомъ горитъ господскій дворъ В. Взлетаютъ головни, гудитъ огонь. Разноголосый шумъ растетъ, непрерывно долбятъ пулеметы, хлопаютъ въ ладоши ружья и тяжело вздыхаютъ утробы пушекъ.

Рота одна за другой перестраиваются въ боевой порядокъ и скрываются въ дыму.

Опытнымъ глазомъ угадалъ онъ, гдѣ ключъ боя и приказываетъ трубить атаку, потомъ, вставъ впереди 16-й роты, самъ ведетъ ее къ околицѣ, гдѣ шла уже штыковая схватка.

Кругомъ него дерутся люди, сѣвившись другъ съ другомъ, взлетаютъ поднятые на штыки тѣла, дробятся подь прикладами черепа, челюсти и спины, свистятъ пули и надо всѣмъ реветъ огонь, высокимъ столбомъ восходя къ небу.

— Надо отбросить ихъ во что бы то ни стало, чтобы дать возможность пробиться сводному отряду,—и шепчетъ про себя, не замѣчая ни пуль, ни штыковъ, ни огня.—Господи, спаси и помилуй Сережу, спаси воина своего Сергѣя.

Вдругъ онъ увидѣлъ, какъ рота побѣжала впередъ, смыкаясь въ колонну, потомъ снова разсыпалась въ цѣпь, а онъ остался одинъ позади. Потомъ раздалось громкое ура и покатилося далеко, далеко, подхваченное, очевидно, другими ротами.

— Отбили,—радостно подумалъ онъ и, тронувъ лошадь, поѣхалъ къ горящимъ постройкамъ.

Навстрѣчу ему скакали нѣсколько офицеровъ.

— Ваше высокопревосходительство, —разомъ кричало нѣсколько голосовъ:—побѣда, побѣда!

— Отбили атаку, удержали позицію,—взволнованно кричалъ издали начальникъ дивизіи. Нѣмцы отступили. Полковникъ Л. раненъ. Получено извѣстіе, что мы можемъ отходить, такъ какъ флангъ лѣво-фланговой арміи уже вышелъ изъ боя.

— Не отходить, а наступать,—перепугалъ его радостно старикъ:—наступать,—и, помолчавъ немного, подтвердилъ еще:—наступать-съ, ваше превосходительство, поняли,—и, уже ни къ кому не обращаясь, прибавилъ: да-съ, такъ-то,—тронулъ поводомъ лошадь и поѣхалъ впередъ.

Вечеромъ сводный отрядъ прорвалъ нѣмецкій заслонъ, присоединился къ

корпусу. Атака Н—цевъ спасла его отъ окруженія.

Командующій арміей пріѣхалъ, поздравилъ съ удачнымъ боемъ и сказалъ:

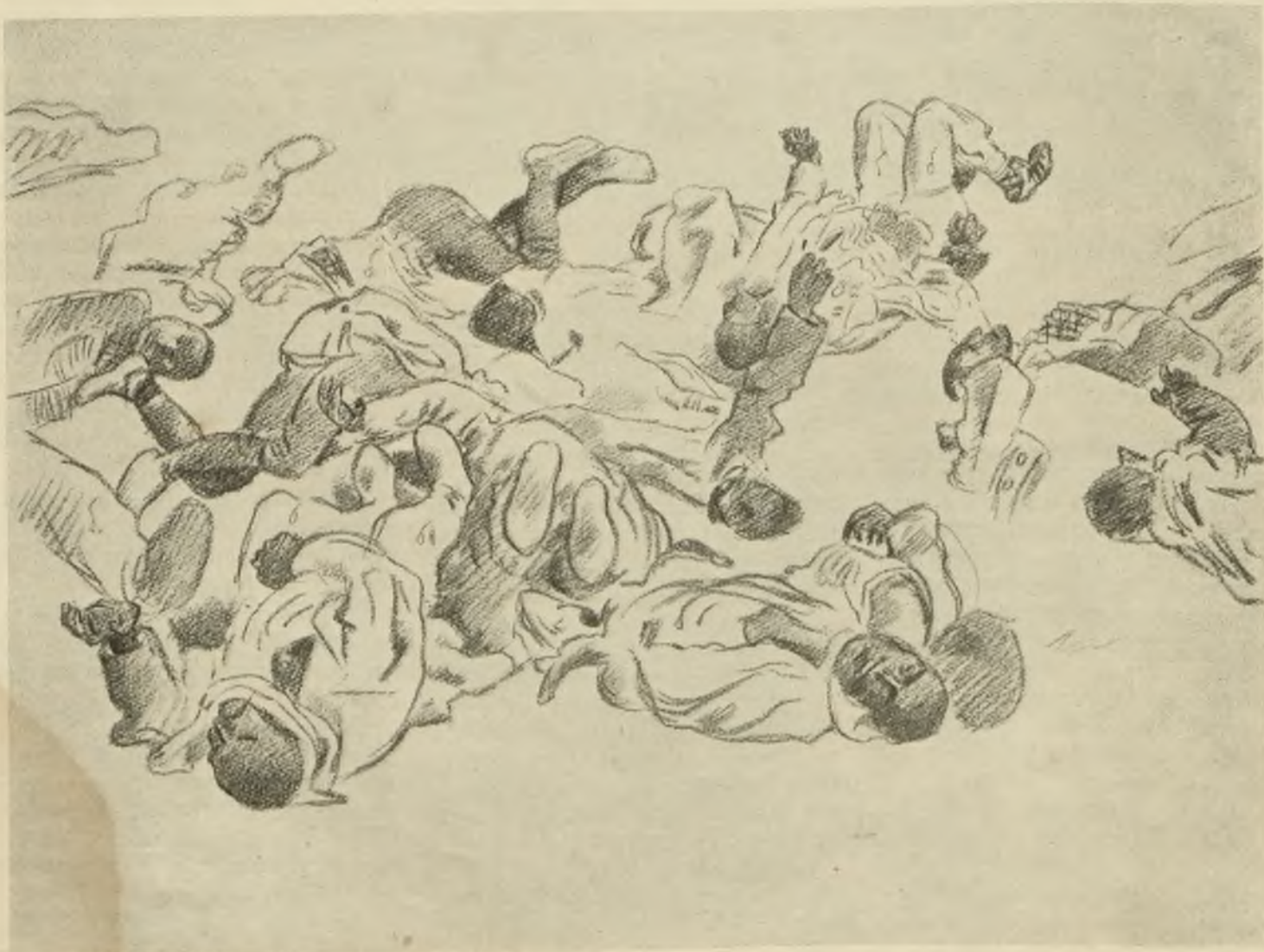
— Это былъ самый блестящій маневръ всей кампаніи.

Уже совсѣмъ поздно пришелъ начальникъ штаба съ докладомъ.

— Н—скій полкъ,—говорилъ онъ,—захватилъ въ атакъ 4 пулемета, 350 человекъ нижнихъ чиновъ, 9 офицеровъ, въ числѣ ихъ весь штабъ ландвернаго полка съ командиромъ и знаменемъ, потерялъ офицеровъ столько-то, въ томъ числѣ подполковники Ш. и Д., капитаны Н. и И., нижнихъ чиновъ столько-то. Въ сводномъ отрядѣ легко раненъ поручикъ Л.

— Слава Тебѣ Господи,—перекрестился старикъ:—уберегъ Ты мнѣ сына,—и вдругъ, вспомнивъ о Ш., Д. и Н., смахнулъ слезу и сердито буркнулъ начальнику штаба,—ну, что у васъ тамъ еще, говорите скорѣе.

Н. Кузнецовъ.

Турецкіе трупы подь Сарынамышемъ.

Изъ воен. альбома Е. Е. Лансере.

Пять мартовских дней.

26 марта.

Я как-то совсем позабыла об этом господи́нѣ. У него еще такая странная фамилія... кажется, Жевердѣевъ... По моему, есть такой парчевой магазинъ, а, можетъ быть, я и путаю. Но я помню навѣрное, что зовутъ его Анато́лій Алексѣевичъ. Откровенно сказать, тоже не важно. Анато́лій—довольно пошло, въ родѣ водевиля... Въ сущности, не все ли мнѣ равно!?

На выставкѣ я была одна и почти обрадовалась, когда онъ ко мнѣ подошелъ и напомнилъ, что лѣтомъ мы встрѣчались у Зины. Я съ утра была не въ духѣ и мнѣ было почти приятно сдерживаться и вмѣстѣ съ тѣмъ безразлично, что онъ о васъ подумаетъ. Я знаю, что мнѣ къ лицу быть не въ духѣ, быть недовольной. Если бы меня полюбилъ какой-нибудь эстетъ, навѣрное, онъ постарался бы, чтобы съ моего лица не сходило выраженіе досады. Хорошенькая была бы жизнь!

Я спросила: «вамъ нравится?», указывая на картину. Конечно, съ моей стороны это было приглашеніе, онъ такъ и понялъ и, пробормотавъ что-то, пошелъ за мною.

Выставка была мнѣ извѣстна, я просто будучи не въ духѣ хотѣла куда-нибудь себя дѣтъ, и знала, что знакомыхъ изъ общества здѣсь не встрѣтишь. Я всегда хвалю «Миръ искусства»,—это даетъ независимый и опасный видъ въ гостиныхъ, и мужчины позжимаютъ вамъ руку какъ-то особенно, но одинъ портретъ меня удивилъ. Не столько самъ портретъ, сколько дама, согласившаяся выставить такое свое изображеніе. Я выше предразсудковъ, «по ту сторону тетусекъ и кузинъ», какъ говоритъ дядя Андрей, но ни за что бы на это не рѣшилась. Да по-моему, даже са-

мый яркій футуристъ не нашелъ бы во мнѣ никакихъ зеленыхъ кубиковъ.

Странно, что, смотря на портретъ, я вспомнила, кто такой этотъ Анато́лій Жевердѣевъ. Лѣтомъ я всегда его видѣла въ теннисовомъ костюмѣ. Конечно, это онъ и есть.

Довольно нелѣпо я спросила:

«Это съ вами я ѣздила на мельницу?»

— Со мной,—отвѣтилъ онъ просто, ничего больше не прибавивъ.

Какой стыдъ не узнать сразу чело-вѣка!

Сославшись на головную боль, я тотчасъ же оставила выставку, не позволивъ ему проводить меня, хотя бы до передней.

27 марта.

Я сама удивляюсь, какъ я могла забыть этого... ну, какъ его?.. Жевердѣева. Лѣтняя исторія была, вѣроятно, предчувствіемъ старости, потому что я до сихъ поръ люблю влюбленность, чувствительныя разсужденія о любви, прогулки,—вообще всю канитель, которую называютъ ухаживаньемъ. Я знаю, что это—глуно и тѣмъ не менѣе люблю это. Но Анато́лій даже не дѣлалъ ничего этого, онъ только таращилъ глаза, вздыхалъ и краснѣлъ, краснѣлъ, да вдругъ взялъ и поцѣловалъ меня... Иногда робость трудно отличить отъ дерзости.

Онъ—очень стройный, я замѣтила это во время тенниса,—стройный и ловкій. Мнѣ нравится, что у него длинныя сильныя ноги и что онъ моложе меня лѣтъ на пять. Нѣтъ, положительно, я пачинаю старѣть! Почему «старѣть»,—умиѣть, это будетъ вѣрнѣе.

Анато́лій не производитъ впечатлѣнія мѣшковатаго молодого чело-вѣка, но страшно не развитъ, совсемъ не чувствуетъ искусства. Я даже не по-

нимаю, зачѣмъ онъ явился на выставку? Я пробовала говорить съ нимъ, образовывать его вкусъ, а онъ меня поцѣловалъ безъ стѣсненія. Если бы мнѣ не стало смѣшно, я бы разсердилась, даже на Зину: что же она меня знакомитъ Богъ знаетъ съ кѣмъ!

Это случилось во время поѣздки на мельницу. Мельница верстахъ въ шести отъ Зининой усадьбы на рѣкѣ Воронѣ. Очень живописный уголокъ, тамъ есть и пчельникъ. Поѣхали послѣ обѣда, такъ какъ днемъ невѣроятная жара. Лошадей было достаточно, но кучеровъ мы взяли только двоихъ, правили сами. Случайно, или нѣтъ, но мнѣ въ спутники достался, именно, Жевердѣевъ.

Сначала все шло, какъ полагается: «пыль золотилась отъ косыхъ лучей заката, тѣни на лугахъ мягко удлинялись», но потомъ... потомъ я говорила изъ вѣжливости о чемъ-то, а мой кавалеръ взялъ обнялъ меня и поцѣловалъ. Это было такъ неожиданно, что я даже не пашла, что отвѣтить, такъ минутъ пять проѣхали молча. Онъ смотритъ на дорогу, я—въ сторону. Наконецъ, я говорю:

— По-моему, вамъ слѣдовало бы извиниться.

— Ахъ, я не только извиниться, я сквозь землю провалиться готовъ!

— Ну, сквозь землю, пожалуй, лучше не проваливайтесь, (иначе, какъ же я одна явлюсь?), а извиниться не мѣшаетъ. И чтобы больше этого не было.

Извинился. Но мнѣ интересно все-таки было знать, почему онъ это сдѣлалъ. Ну, поправились мои щеки, губы—взялъ и поцѣловалъ... дико, но до пѣкоторой степени понятно. Нѣтъ, отвѣчаетъ, что любить меня. Признаться, это удивило меня еще больше. Жду, какъ онъ будетъ объясняться. Ничего. Повторилъ еще

Взятіе одной изъ позицій возлѣ Notre-Dame-de-Lorette баталіономъ 158 пѣхотнаго полка.

разъ: «Я васъ очень люблю, Елена Евгеньевна»—больше ничего. Будто нѣмой, или кретинъ!

Вѣдь если такъ все молчать и не умѣть говорить о своихъ чувствахъ, то можно дойти Богъ знаетъ до чего, до Геркулесовыхъ столповъ!..

Онъ уѣхалъ черезъ три дня, не говоря мнѣ больше—ничего, о своей любви. Все-таки странно, что онъ такъ вылетѣлъ изъ моей головы, изъ памяти! Только, смотря на портретъ, я вспомнила точно его и весь лѣтній случай, довольно смѣшной въ сущности.

28 марта.

Сегодня онъ былъ у меня съ визитомъ. Кажется, я не говорила ему своего адреса. Посидѣлъ минутъ двадцать и ушелъ, ничего не сказавъ, т.-е. не сказавъ про свою любовь. А между тѣмъ, очевидно, онъ меня любитъ,—иначе, зачѣмъ бы ему и приходиться ко мнѣ? Разговоръ вела больше я, онъ кое-какъ отвѣчалъ, все краснѣлъ и былъ печаленъ.

Я живо представляю себѣ его жизнь, скромную, ни богатую, ни бѣдную, очень буржуазную и извѣстную заранѣе до самаго конца. Одна мысль о подобномъ существованіи наводитъ на меня уныніе и грусть. Я понимаю, что можно полюбить человѣка не равнаго себѣ, другого круга, воспитанія,—словомъ «не пару», но тогда долженъ быть романтизмъ, тогда хочется прелести контраста. Можно полюбить бѣднаго поэта, акробата, даже, скажемъ, шоффера, но мелкаго чиновника—безъ будущаго.

безъ нищеты, средняго маленькаго обывателя,—это немислимо. Въ старину, когда были разныя смѣшныя названія: «титулярный совѣтникъ», «коллежскій регистраторъ», это могло быть еще забавно, но теперь всѣ эти чины существуютъ только на бумагѣ, такъ что повтореніе романа: «Онъ былъ титулярный совѣтникъ, она—генеральская дочь», было бы лишено почти всякой поэзіи.

Однако, я такъ много пишу о Жевердѣевѣ, будто это для меня имѣетъ большое значеніе. Но это объясняется очень просто: сегодня не случилось ничего, что стоило бы записывать. Мнѣ не хотѣлось ни выходить, ни пѣть, ни принимать кого-нибудь. Анатолій проникъ какъ-то воровскимъ манеромъ, я не дала еще достаточно яснаго распоряженія служанкѣ. Не хотѣлось ничѣмъ заниматься. Стала приводить въ порядокъ свой книжный шкапъ. Попалась «Франческа» д'Аннуціо. Я зачиталась ею среди разбросанныхъ книгъ, стоя, почти забывъ объ обѣдѣ. Оказывается, я еще помню итальянскій. Воспоминанія о Раминѣ, Равениѣ, Флоренціи такъ набѣжали на меня, что закружилась голова. Все-таки, это—какая-то общая, сладкая родина всего прекраснаго. И какъ, какъ въ этой книгѣ говорится о любви!! Послѣ этого жизнь дѣлается вдвое милѣе.

Написала записочку Викентію Петровичу.

Ложась спать, вспомнила о Жевердѣевѣ и вслухъ размѣялась. Полюбить его—все равно, что спрашивать мнѣнія о французской музыкѣ у моей горничной.

29 марта.

Сегодня отвела, какъ говорится, душу. Мнѣ было жалко, что Викентій Петровичъ не влюбленъ въ меня, хотя бы слегка. Это было бы восхитительно! Конечно, онъ не очень молодъ и нельзя сказать, чтобы былъ очень красивъ, особенно когда наклоняетъ голову (у него откуда-то берется длинный предлинный носъ), но какой умница и какъ говорить!

Мы вспоминали Италію, и мнѣ казалось, что я снова брожу по золотымъ пустынямъ Римской Кампаньи. Вижу зеленую Лукку, гордую, темную Геную и навсегда драгоценную Флоренцію.

Я помню... были сумерки, я шла около Палатина и маленькія дѣвочки, лѣтъ по пяти, взявшись за руки, тихонько пѣли и кружились хороводомъ. И онѣ даже были торжественны—эти малютки,—и какъ печальны! Эти пустыри въ двухъ шагахъ отъ шумныхъ улицъ, катакомбы, бѣлыя акаціи и вдали тѣнь акведуковъ!.. Какъ бы мнѣ хотѣлось опять увидѣть все это съ кѣмъ-нибудь, кто бы меня любилъ!

Будто въ пасмѣшку надъ моимъ желаніемъ, сейчасъ же, какъ ушелъ Викентій Петровичъ, является Жевердѣевъ.

Спрашиваетъ: «Можно?»

Я говорю: «Пожалуйста», но жду, что онъ объяснитъ свой визитъ. Ничуть не бывало. Сидитъ, говоритъ о погодѣ. Я смотрю на часы, звоню служанку, распоряджаюсь насчетъ обѣда... Наконецъ, понялъ.

— Я васъ задерживаю? Я пони-

Деревня Б. по дорогѣ къ позиціямъ Д—о полка.

Рис. ушети. похода С. Романковскаго.

Сдающиеся намъ австрійцы разстрѣливаются сзади своими.

Рис. Н. В.

маю, что дѣлаю 'безтактность, но мнѣ трудно провести день, не видя васъ.

Я молчу.

— Вы мнѣ позволите иногда заходить къ вамъ?

Я все молчу. Помялся и говоритъ:

— Я приду завтра, можно?

— Знаете, не совсѣмъ удобно встрѣчаться каждый день. Я выше всякихъ пересудовъ, но въ данномъ случаѣ хотѣла бы ихъ избѣжать.

— Вы боитесь сплетенъ?

— Иногда я не люблю ихъ.

— Да... до свиданья... я такъ люблю васъ!

Я взяла его за руку и сказала ласково:

— Бросьте эту мысль! Это—безуміе!..

— Можетъ быть, вы и правы. До свиданья. Я постараюсь послѣдовать вашему совѣту.

И ушелъ. Я была взбѣшена. Хотъ бы (ну, не бросайся на колѣни, не обнимай), хотъ бы руку поцѣловалъ, или заплакалъ! Ничего! И смѣетъ еще что-то мямлить о любви! Никогда я такъ не сердилась!

30 марта.

Не утерпѣла и все рассказала по телефону Викентію Петровичу. Онъ говоритъ: «Смотрите, не пройдите мимо настоящей любви!» Благодарю покорно! Еще бы меня глухонѣмой парализикъ полюбилъ... Но Викентій Петровичъ слишкомъ серьезенъ и слишкомъ поэтъ, притомъ онъ не видѣлъ Жевердѣва.

Съ досады поѣхала на острова и разстроилась еще больше. Грязь, нигде не пускаютъ, вездѣ рогатки!.. Ахъ, укатить бы въ Римъ!

На обратномъ пути мое вниманіе привлекла какая-то фигура у рѣшетки одной изъ дачъ. Она стояла неподвижно, заложивъ руки за спину, словно что-то внимательно разглядывая. Я велѣла ѣхать тише, почти совсѣмъ остановилась, какъ вдругъ узнала въ этомъ странномъ наблюдателѣ Анатолія Алексѣевича. Онъ все продолжалъ стоять. Меня это такъ заинтересовало («не сошелъ ли онъ съ ума?» мелькнуло не безъ пріятности у меня въ головѣ), что я рискнула даже окликнуть. Онъ обернулся, взглядъ разсѣянъ, на губахъ улыбка, меня будто не узнаетъ.

— Чѣмъ это вы такъ увлеклись, Анатолій Алексѣевичъ?

— Я? Да глупости... Я смотрѣлъ, какъ сохнетъ земля... земля безъ мостовой, на которой вырастетъ трава... я люблю это. Она такъ пахнетъ!.. И ночное небо! Будто жаворонки запоютъ... Весной у меня часто бывають... такія слабости...

— Но какъ же вы добрались сюда?

— Я пришелъ пѣшкомъ.

Ну, не чудакъ ли? Я довезла его до Марсова поля, гдѣ онъ простился. По-моему, онъ просто хотѣлъ меня видѣть еще разъ. Но какъ онъ могъ знать, что я вздумаю кататься? Стоить ли, впрочемъ, объ этомъ думать?

Вечеромъ опять читала «Франческу», но была разсѣянна и какъ-то все вспоминала: «какъ сохнетъ земля, на которой вырастетъ трава... она такъ пахнетъ... и какое небо! будто жаворонки запоютъ!»

Иногда вотъ такіе пустяки забьются въ голову и ничѣмъ ихъ не выгонишь!

Нужно позвонить Викентію Петровичу. Впрочемъ, нѣтъ... онъ все такъ серьезно принимаетъ, что, пожалуй, и тутъ найдетъ что-нибудь поэтическое!

М. Кузминъ.

ПРООБРАЗЫ ВЕСНЫ.

Какъ побѣдительна весна,
Такъ побѣдительна Россія.
И видитъ русская война
Въ веснѣ прообразы благіе.

Что пересилить волнъ напоръ,
Когда онѣ ломаютъ льдины?
Что тьмой закроетъ солища взоръ,
Когда онъ свѣтитъ на равнины?

Чѣмъ задержать могучій ростъ
Зеленыхъ вѣтокъ, листьевъ острыхъ,
Чѣмъ помѣшать плетенью гнѣздъ
И пѣнию птицъ, призывно-пестрыхъ?

И чѣмъ укрыть цвѣтовъ красу,
Когда они на южныхъ склонахъ,
И въ нашемъ сѣверномъ лѣсу
На стебелькахъ блеснутъ зеленыхъ?

Нѣтъ! Преклонись скорѣе, врагъ,
Предъ русскою весенней силой!
Не пожалѣлъ ты мирныхъ благъ,
И вотъ стоишь ты предъ могилой.

Какъ снѣгъ, безсильный талый снѣгъ,
Непобѣдимый жаръ почуя,
Ты побѣжишь, и этотъ бѣгъ
Міръ приметъ, какъ весну благуя.

Сергѣй Городецкій.

Карпатская лавра.

Нынѣ она груда развалинѣ. А въ былое время? Скитъ Манявскій—это для галичанъ то, что Эфесская Діана для грековъ. Этотъ скитъ игралъ въ духовной жизни окраиннаго русскаго населенія громадную роль. Изъ него вышли основатели какъ нашей Почаевской Лавры на Волыни, такъ и знаменитаго храма Маріи—Почъ (Почаевской) въ Венгріи, въ угрорусскихъ низинахъ около Дебречина. Почаевская лавра была средоточеніемъ православія для всего юго-западнаго края и только благодаря ей, ни унія, ни латинство не смогли обезличить укладъ жизни русскаго кореннаго населенія Волыни и Галичины. Храмъ Маріи Почаевской за Карпатами былъ оплотомъ русскаго сознанія того обломка русскаго народа, который поселился въ сѣверо-восточномъ углу Венгріи въ незапамятныя времена. Угроруссы первые были переведены изъ язычества въ христіанство еще при Кириллѣ и Меѳодіи. Они подвергались ужасному разгрому во время Батыевского нашествія, окрѣпли снова при князьяхъ Коріатовичахъ, служили объединительнымъ звеномъ между Венгріей и Россіей во времена борьбы князей Ракоціевъ противъ Габсбурговъ, но подъ мадярскимъ владычествомъ въ послѣднее время чуть было совсѣмъ не захирѣли.

Какъ въ Почаевѣ Волынскомъ, такъ и въ Почаѣ Венгерскомъ въ одно и то же время возносились молитвы къ Богородицѣ, защитницѣ христіанства, и одинаковымъ папѣвомъ раздавалась по обѣ стороны Карпатъ умирительная пѣсня, сложенная во время тяжелой національной невзгоды: «Пречистая Дѣво,—Мати Русскаго Края, не дай пропасти...»

Срединнымъ звеномъ между обѣими этими обителями былъ скитъ Манявскій, построенный въ Бескидахъ, гдѣ рѣшается сейчасъ судьба Карпатъ. Онъ былъ разрушенъ по повелѣнію австрійскаго императора Юсіфа II въ 1785 г. Расположенный въ восточной Верховинѣ недалеко отъ галицко-русскаго мѣстечка Богородчаны, названіе котораго тоже связано съ культомъ Богородицы, онъ привлекалъ богомольцевъ съ разныхъ сторонъ. Въ исторіи скита Манявскаго есть указаніе на его связи не только съ православной Русью, но и съ православною Румыніею, съ Болгарами, Сербамъ и особенно съ Аѳонскою Святою горою.

Въ скиту было нѣсколько храмовъ. Построеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ восходитъ, по народнымъ преданіямъ, до отдаленныхъ вѣковъ сѣдой древности, введенія христіанства на Русь. Древнерусскіе языческіе культы смѣшивались здѣсь съ христіанскими праздниками, органически съ ними сливались и тѣмъ сильнѣе связывали съ этой святыней народныя сердца.

Древнѣйшимъ храмомъ скита былъ храмъ Успенія Богородицы. Праздникъ умирающаго лѣта, символъ окончанія жатвы былъ важнѣйшимъ событіемъ

Акв. участн. похода С. фонъ-Руммель.

Могила шт.-нап. лейбъ-гв. Измайловскаго полка Кучевскаго подъ Люблиномъ.

въ жизни русскихъ пахарей по обѣ стороны Карпатъ и пашель свое выраженіе въ созданіи этого храма.

Вторымъ храмомъ была церковь Іоанна Крестителя, культъ котораго въ народныхъ вѣрованіяхъ связанъ съ праздникомъ языческаго бога Івана-Купала. Съ незапамятныхъ временъ и до самаго разрушенія скита, а затѣмъ и послѣ разрушенія его и до нашего времени, ежегодно тысячи и тысячи богомольцевъ стекались 24-го іюня въ это священное мѣсто, чтобы общей молитвой и омовеніемъ водою изъ цѣлебнаго источника подготовиться къ предстоящей лѣтней крестьянской страдѣ.

Третьимъ храмомъ былъ храмъ Троицы, связанный въ народныхъ обычаяхъ съ «зелеными святками», праздникомъ расцвѣта весны и древне-языческой богини Лады. Наконецъ, четвертымъ храмомъ была церковь Воздвиженія Креста Господня, какъ величайшій праздникъ начинающейся осени и новыхъ подвиговъ земледѣльческаго обихода предъ посѣвомъ озимей.

Манявскій скитъ.

Только зимой, когда ефѣкный покровъ застилалъ Карпатскія горы и народу трудно было пробраться въ лѣсистый скитъ, не было ни одного храмового праздника. Зато весну, лѣто и осень

русскаго народа Манявскій скитъ былъ послѣднимъ оплотомъ православія. Въ то время, когда уже вся Галиція и Угорская Русь официально были присоединены къ римской ушн, братія скита

Въ день взятія Перемышля.

богомольцы привыкли встрѣчать въ этомъ издревле излюбленномъ священномъ мѣстѣ.

Разрушеніе подобной святыни австро-нѣмецкими войсками не могло не поразить народную фантазію и не породить цѣлаго цикла легендъ. Для мѣстнаго

Манявскаго не подавалась никакимъ увѣщаніямъ и никакія угрозы не могли заставить ее признать главенство чужа.

Послѣ раздѣла Польши и присоединенія Галиціи къ Австріи, Манявскій скитъ держалъ себя стойко еще полныхъ

тринадцать лѣтъ. Когда монахи узнали, что императоръ Іосифъ II подписалъ указъ о разрушеніи обители, они тайкомъ развезли монастырское добро отчасти въ православную Буковину, отчасти же замуrowали его въ горныхъ пещерахъ, такъ что раскопки на мѣстѣ скита сулятъ археологамъ богатую жатву. По преданію, деревянная церковь удивительно красиваго зодчества въ с. Комарищѣ (въ Буковинѣ) была по частямъ перенесена изъ скита. Иконостасъ и много иконъ очутилось въ Богородчаныхъ, во Львовѣ, въ Перемышлѣ и въ другихъ городахъ. Нѣкоторыя изъ иконъ и царскія врата одного изъ скитскихъ храмовъ находятся въ музеѣ Александра III въ Петроградѣ, куда перевезены недавно. Часть захваченныхъ старопечатныхъ книгъ и рукописей была отдана въ учрежденный Іосифомъ II русскій университетъ во Львовѣ.

Разрушеніе святыни было варварскимъ образомъ произведено отрядомъ австрійскихъ войскъ во главѣ съ капитаномъ Штрассеромъ. Почти вся братія скита разбѣжалась раньше. Изъ нея остался только одинъ сѣдоглавый старецъ, который рѣшился не уступать даже силѣ. О кошунивахъ Штрассера при разрушеніи храма народъ сохранилъ нѣсколько преданій. По одной версіи, онъ сѣлъ на престолъ и велѣлъ подать себѣ вила изъ св. чаши, по другой—онъ вызвалъ свою собаку и угостилъ ее святымъ причастіемъ.

Разсказываютъ, что Штрассеръ, возвращаясь послѣ разрушенія храма въ Надворную, скоропостижно скончался. Смерть его приписывалась карающей десницѣ Божіей, наказавшей кошуника. Въ народѣ сохранилась и другая легенда, по которой онъ былъ пораженъ молніей въ тотъ моментъ, когда кошунивно протянулъ причастіе своей собакѣ. Эта легенда наиболѣе распространена въ Галиціи.

Въ настоящее время идетъ дѣятельная работа по возсозданію скита. Какъ только русскія войска заняли ту часть Карпатской верховины, гдѣ находятся развалины скита, немедленно туда поспѣшили два инока изъ Почаевской лавры. Но не долго они могли работать надъ возстановленіемъ древняго скита. Мадьярскія полчища снова нагрянули въ эту мѣстность и находятся тамъ до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе начались уже сборы пожертвованій на возсозданіе лавры. Откликнулись очень высокопоставленные лица, посѣтившія недавно Львовъ, Перемышль и другія древне княжескія города Галичины. Отозвались и нѣкоторые владыки нашей церкви и не подлежатъ сомнѣнію, что какъ только мадьяры будутъ окончательно прогнаны, дѣло возстановленія главнаго храма лавры пойдетъ быстро впередъ и водруженіе на немъ православнаго креста, а на баникахъ нашего трехцвѣтнаго знамени, символирующаго свободу, ладъ и миръ, укрѣпитъ обладаніе Карпатами за нами на вѣки вѣковъ.

Дм. Вергунъ.

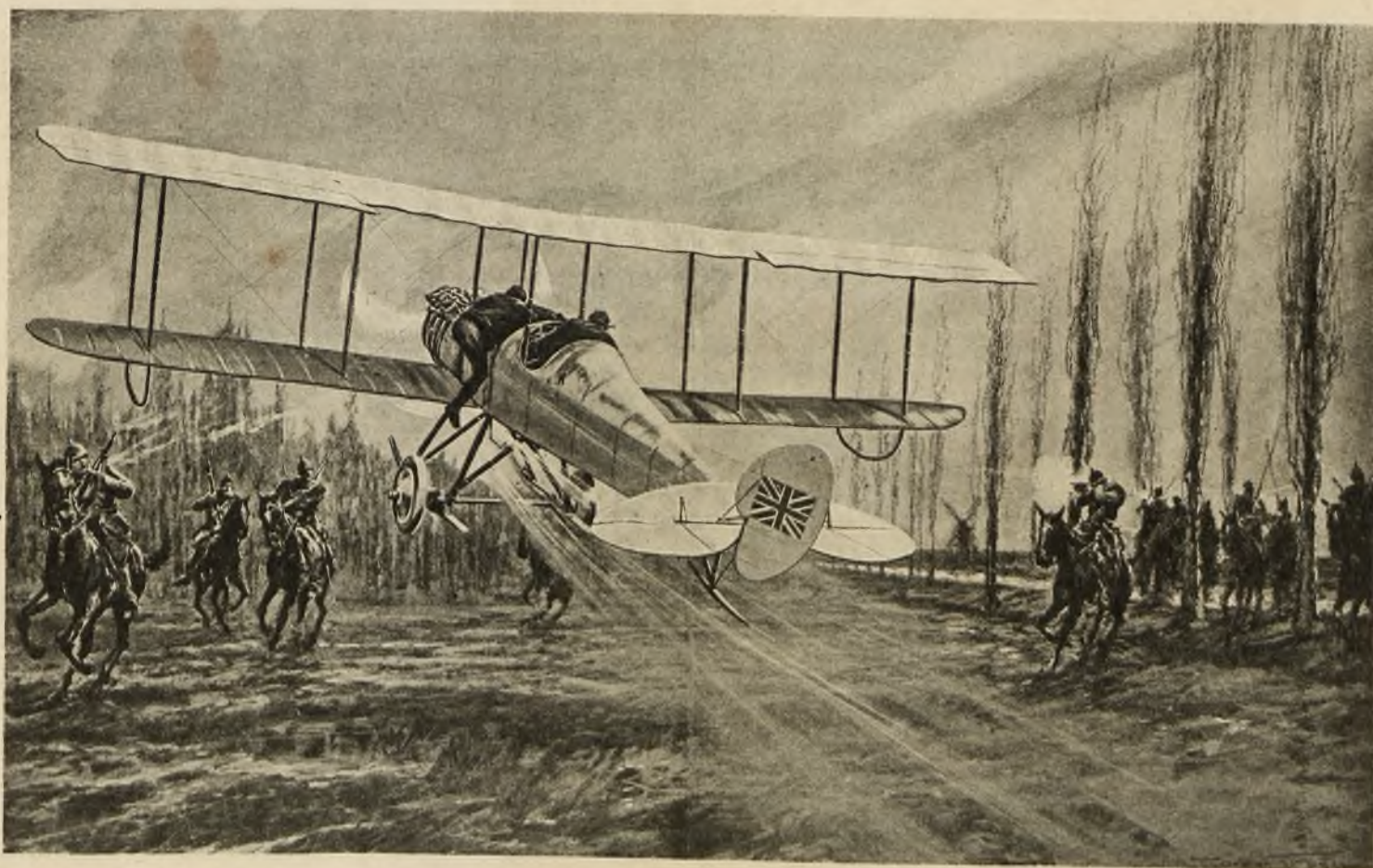

Ихъ Императорскіе Высочества Великіе Князья Михаилъ Александровичъ и Александръ Михайловичъ осматриваютъ «Илью Муромца» послѣ перелета Бѣлостокъ—Львовъ, 22 ноября 1914 г.

Плѣнный германскій блиндированный автомобиль. На автомобиль медицинскій персоналъ и сестры милосердія отряда Великой Княгини Маріи Павловны.

«The Sphere».

Подъемъ англійскаго аэроплана надъ нѣмецкимъ патрулемъ.

Прививка оспы солдатамъ въ арміи.

Французскій блиндированный автомобиль въ дѣйстви.

Наивные триолеты.

Изъ А. Сюенберна.

Я жду весны необычайно,
Когда поля еще въ снѣгу.
Не вѣря радости случайной,
Я жду весны необычайно,
Но расцвѣтаньемъ розы чайной
Плѣнить надежды не могу...
Я жду весны необычайно,
Когда поля еще въ снѣгу.

Я жду тебя на зовъ свирѣли,—
Подруга сердцу дорога.
Еще мечты не догорѣли,
Я жду тебя на зовъ свирѣли,
Но ты, любимая, въ апрѣлѣ,
Какъ ночь январская строга...
Я жду тебя на зовъ свирѣли,—
Подруга сердцу дорога.

Я жду: пройдутъ младыя лѣта
И не вернутся никогда!
Но время не щадитъ поэта,
Я жду: пройдутъ младыя лѣта,
Размѣръ наивный триолета
Нежданно меркнетъ... и тогда
Я жду: пройдутъ младыя лѣта
И не вернутся никогда!

М. Долиновъ.

Акв. А. Эйснера.

Ефрейторъ Степанъ Рѣшетовъ 13 лѣтъ.— Героевскій кавалеръ. Служилъ въ Петроградѣ въ зеленой лавкѣ на Гороховой улицѣ.

ЗНАМЯ.

Разсказъ Поля Бонма. Съ французскаго М. Дѣдиной.

Въ окопахъ, на опушкѣ сосноваго перелѣска, въ Вогезахъ, они находились уже не менѣе тридцати часовъ. Заряды падали позади ихъ, расщепляя на мелкіе кусочки вѣковые гиганты.

Не смотря на непрерывный свистъ пуль и разрывающіеся такъ близко «чемоданы», компанія не унывала.

— Лети, лети себѣ, голубушка, подалее, счастливаго пути..

— Эй вы, тамъ, налѣво... къ вамъ гостя ..

Приникнувъ къ землѣ, съ выпачканнымъ лицомъ малютка Флери, питомецъ Парижскихъ бульваровъ, балагуря, минутно хватался за ружье и выстрѣлы его рѣдко не попадали въ цѣль.

Флери было около девятнадцати, но какъ только началась война и публика съ цвѣтами въ рукахъ стала провожать воинскіе поѣзда, бодро мчавшіеся къ границѣ, Флери не утерпѣлъ и выпросилъ у старушки матери позволеніе одѣть красные панталоны и ѣхать съ товарищами. Согласіе, скрѣпя сердце было дано и Флери, обучившись кое-какъ недѣли въ двѣ, расцѣловалъ свою матушку въ обѣ щеки и отправился сюда.

Маленькій, веселый и живой, истое дитя бульваровъ онъ очень скоро сдѣлался любимцемъ полка.

При первой же перестрѣлкѣ, его ранило въ руку, но онъ, позволивъ перевязать себя, ни за что не хотѣлъ остаться на пунктѣ и въ самомъ дѣлѣ, по тому какъ онъ стрѣлялъ въ «этихъ бошей» не было замѣтно, чтобы рана ему очень мѣшала. Перестрѣлка его забавляла. Лежа въ окопахъ, онъ представлялъ себя на Парижскомъ балу, гдѣ онъ стрѣлялъ въ тирѣ и каждый разъ выигрывалъ сладкій пирожокъ для своей подружки.

Но кончилось тѣмъ, что французская артиллерія очистила себѣ путь и красные панталоны, подъ предводительствомъ своего офицера, живо повыскакали изъ окоповъ и пустились впередъ, взбирались на пригорки, скатывались внизъ, поддерживая другъ друга окриками:

— Впередъ ребята .. Скоро мы будемъ тамъ...

И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того какъ они прошли еще одну милю, и останови-

лись передохнуть, ихъ начальникъ, собравъ все, что оставалось отъ людей бывшихъ подъ его командой, объявилъ имъ, что они въ Эльзасѣ...

Какое счастье!.. Вся компанія принялась обнимать другъ друга, нѣкоторые танцевали отъ восторга, другіе принялись дѣлать букетики, чтобы потомъ отослать ихъ, въ письмахъ на родину.

Флери, радостный и слегка проголодавшійся, принялся щипать полевой щавель, увѣряя, что это превосходное блюдо и не хватаетъ только яицъ...

Потомъ кому-то пришло въ голову, что прежде чѣмъ располагаться по домашнему, не дурно было бы водрузить здѣсь національный флагъ въ знакъ того, что Эльзасъ снова принадлежитъ Франціи...

Предложеніе было встрѣчено съ энтузіазмомъ... Но откуда взять флагъ?..

— Совсѣмъ не трудно...—рѣшилъ кто-то.—Вотъ вамъ синій цвѣтъ...

И солдатикъ снялъ съ шеи голубой шарфъ.

— Вотъ бѣлый ..—прибавилъ другой, протягивая платокъ.

Но красный?..

Достали гибкую вѣтвь и къ ней прикрѣпили куски, а насчетъ краснаго многіе думали, что придется оторвать кусокъ отъ панталонъ... На томъ и порѣшили, но каждый медлилъ это сдѣлать.

— Фи .. Какъ не стыдно .. Отъ панталонъ... для флага-то ..

На Флери тутъ же накинудись.

— Такъ достань намъ другой ..

Казалось онъ только этого и дожидался. Взявъ ножъ изъ рукъ товарища стругавшаго древко, онъ сорвалъ повязку съ зажившей раны и ударомъ ножа углубилъ ее. Кровь, хлынула ручьемъ, онъ собралъ въ кэши и туда же положилъ свой платокъ.

— Вотъ вамъ и красное —съ торжествомъ воскликнулъ онъ, вынимая платокъ, пропитанный алой кровью.

И когда потомъ всѣ успокоились и, сложивъ ружья въ пирамидки, принялись за ѣду, маленькій Флери, поглядывая на трепетавшій флагъ, съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ обрадуется мать, узнавъ что красный цвѣтъ для перваго флага водруженнаго въ завоеванномъ Эльзасѣ, доставилъ онъ...

Deutschland uber alles...

Рис. Н. Николасевского.

Редакторъ-издатель М. А. Суворинъ.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“.

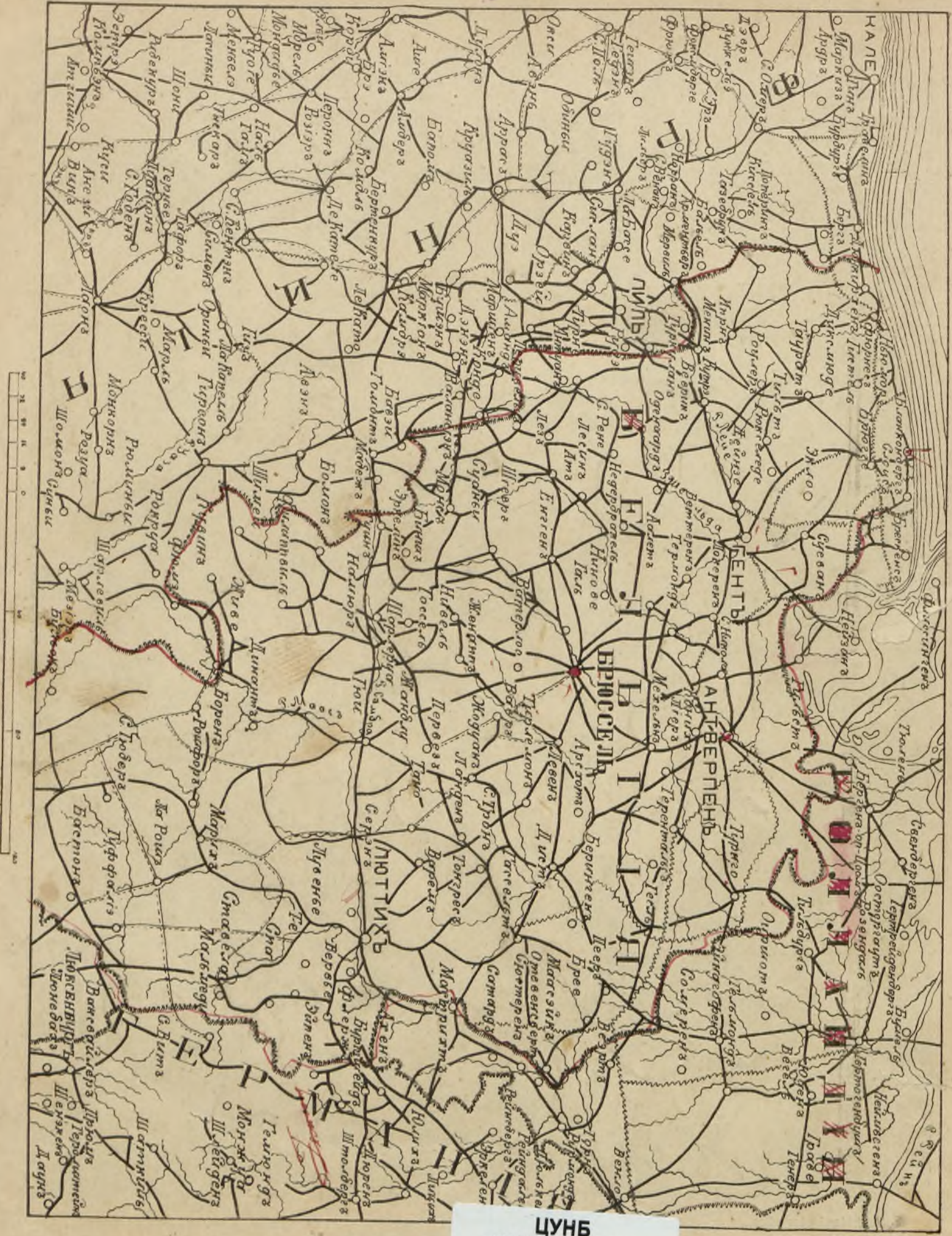
Эртелевъ, 13

Цѣна номера 25 коп.

50-00
М. 1911
8 р.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЪ ВОЙНЫ.

ЦУНБ
им. Н. А. Некрасова

2 000001 341315